Преступление начинается с вешалки

Автор:
Марина Серова

Преступление начинается с вешалки

Марина Сергеевна Серова

Русский бестселлерЧастный детектив Татьяна Иванова

Не всегда детективное расследование дела – процесс добровольный, и не всякий итог следствия можно сообщить клиенту. В этом частный детектив Татьяна Иванова убедилась на собственном опыте, взявшись за выяснение причин гибели ничем на первый взгляд не примечательной работницы детского театра, по совместительству подруги крупного криминального авторитета. Оксана Ширяева умерла на сцене того самого театра, где работала, полиция признала ее смерть несчастным случаем. Но факты, которые смогла выяснить Татьяна Иванова, говорят об обратном…

Марина Серова

Преступление начинается с вешалки

© Серова М.С., 2018

© ООО «Издательство «Э», 2018

* * *

Глава 1

В этот день я решила посвятить всю себя домашнему хозяйству. Проснувшись в восемь утра и приняв контрастный душ, я ощущала необычайную бодрость и чувствовала, что могу свернуть горы. Даже тот невообразимый бардак, который вот уже почти целую неделю царил в моей квартире, не мог поколебать мою решимость.

Сурово окинув взглядом запыленные поверхности и разбросанные как попало вещи, я энергично пошла на штурм и продолжала мыть и чистить до тех пор, пока моя квартира не засияла, как новая медаль, которой я, конечно же, была достойна за свои труды.

Но медали мне показалось мало, и я решила заработать орден. Закончив с уборкой, я затеяла стирку.

Процесс был в самом разгаре, когда за шумом льющейся воды и громом тазиков мне послышался тихий и очень далекий звук, чем-то напоминающий птичью трель. Не сразу сообразив, что это звонит телефон, я наконец подошла к трубке. Но, видимо, тот, кто мне звонил, не отличался особой терпеливостью.

– …Ва-аще, че такоэ, в натуре, – еще успела расслышать я, прежде чем в трубке раздались короткие гудки.

Поняв, что беседа не состоится, я не очень расстроилась. Судя по обрывку фразы и в особенности по тону, с которым она была произнесена, мой несостоявшийся собеседник принадлежал к почтенному сословию «братков». А я с этим сословием тесных контактов никогда не имела и никакого сожаления по этому поводу никогда не испытывала. В общем, на мой взгляд, все разрешилось к лучшему.

Закончив стирку, я приготовила кофе. Наслаждаясь любимым напитком, я расслабленно развалилась в кресле, воздавая себе должное за сегодняшний титанический труд. Негромко жужжал телевизор, прибранная и аккуратная комната радовала глаз, и я уже подумывала о том, не пора ли мне заснуть сном праведника, когда снова зазвонил телефон.

– Добрый вечер, могу я поговорить с Татьяной Ивановой? – спросил очень вежливый мужской голос.

– Я слушаю вас.

– Если не ошибаюсь, вы занимаетесь частными расследованиями?

– Да, это так.

– Мы бы хотели обсудить с вами одно дело, если в настоящее время вы имеете возможность начать новое расследование.

– Вы не могли бы представиться?

– Меня зовут Евгений Сергеевич, но в качестве заказчика будет выступать мой шеф. Сейчас он ужинает в «Экспрессе», вы не могли бы подъехать сюда? У нас отдельный кабинет, разговору никто не помешает. Если хотите, за вами могут прислать машину.

«Экспресс» был довольно дорогим заведением, хотя и не очень престижным, очевидно, из-за своей излишней универсальности. Когда-то, на заре перестройки, это кафе одно из первых в нашем городе пыталось своим оформлением и меню походить на образцы загнивающего Запада. Со временем заведение переросло этот мелкий формат и сейчас являлось одновременно рестораном, ночным клубом и все тем же кафе. С десяти утра до шести вечера, когда заведения для взрослых еще не начинали свою деятельность, там могли полакомиться мороженым дети.

По всей видимости, хозяева «Экспресса» делали ставку не на эксклюзивные предложения, которые могли бы привлечь каких-то определенных клиентов, типа любителей кальяна или малазийской кухни, а на то, что может привлечь как можно больше простого народа. Днем в кафе всегда было мороженое и прохладительные напитки, вечером в ресторане всегда можно было прилично поесть, а в ночном клубе играла живая музыка и частенько выступали приглашенные из других заведений стриптизерши. В общем, необходимый минимум имелся.

Однако предложение обсудить в «Экспрессе» вопросы, касающиеся частного расследования, вызвало у меня недоумение. Что это еще за шеф? И почему он не может позвонить мне сам? Слишком крутой? К тому же и время уже позднее. Да и устала я после всех этих стирок-уборок. Не правильнее ли будет отложить разговор на завтра? А уж там днем, в рабочей обстановке…

– Евгений Сергеевич, а вы уверены, что сейчас подходящее время для обсуждения подобных вопросов? Ваш шеф, наверное, устал, и тем более, как вы сами заметили, он сейчас ужинает. Удобно ли будет беспокоить его в такой момент? Может быть, лучше перенести встречу на завтра?

Но Евгений Сергеевич имел свое мнение по этому вопросу.

– Напротив, – ответил он, – уверяю вас, что именно сейчас самое подходящее время. В течение дня моего шефа постоянно отвлекают дела, а сейчас у него как раз выдался небольшой временной промежуток, когда его никто не беспокоит. Да вам это не должно создать особенных неудобств. Как я уже сказал, вас отвезут и привезут обратно домой без всяких проблем.

Я поняла, что продолжать настаивать на перенесении нашей встречи совершенно бесполезно. Чтобы не тратить время на пустые разговоры, а поскорее выяснить, чего от меня хочет загадочный шеф, и закончить наконец этот длинный день, я сказала, что подъеду в ресторан через полчаса.

– Машину присылать не нужно, мне будет удобнее на своей.

– Как угодно.

– Как я смогу найти вас в ресторане?

– Скажете бармену, что у вас назначена встреча с Владимиром Семеновичем. Вас проводят.

– Хорошо, до встречи.

– Ждем вас.

Помня о том, что я отправляюсь не куда-нибудь, а в ресторан, я затеяла было ревизию своего гардероба, чтобы выбрать что-то адекватное. Но, вероятно, вследствие усталости очень быстро бросила это занятие. С мыслью «А ну вас всех!» я надела очень кстати подвернувшийся под руку классический брючный костюм в тонкую полоску и простую белую блузку.

После этого, слегка освежив внешний вид с помощью тонального крема и помады, я спустилась к машине.

Путешествие заняло даже меньше обе-щанного получаса. Вскоре я уже входила в «Экспресс», своими огнями и светом из больших окон освещавший довольно значительную часть одной из центральных улиц нашего города.

* * *

В зале было очень людно и, несмотря на прохладный сентябрь, душно. Сновали официанты, пахло напитками и закусками, и у меня почему-то сразу возникло желание повернуться и уйти.

Вечером, после целого дня трудов праведных, хотелось тишины и покоя, а вовсе не тесноты и назойливой сутолоки ресторанного зала. Но профессиональный долг приказывал идти вперед. И я пошла. Сквозь тернии, как говорится, к звездам.

Осмотревшись, я подошла к барной стойке. Назвав нужное имя, которое сообщил мне в качестве пароля Евгений Сергеевич, я в сопровождении одного из официантов отправилась в глубь ресторанного зала.

Через некоторое время мы оказались в разделенном на небольшие кабинки помещении, куда почти не долетали шумы из основного зала. Это обстоятельство немного улучшило мое самочувствие, но, в сущности, это было уже неважно. Картина, которая предстала моему взору, из всех сложных чувств, обуревавших меня, оставила только одно – безграничное удивление.

В кабинке, куда привел меня официант, за столом, ломившимся от яств и питий, сидел весьма типичный и довольно колоритный представитель «братвы».

Бритая голова, побагровевшая и покрытая каплями пота от усиленного питания физиономия, толстенная золотая цепь, наколки на руках и плечах, где последние остатки мускулатуры безнадежно утонули в жировых отложениях, и открытая майка советского образца, тоненькие лямочки которой совершенно терялись среди необъятного тела.

«Нет, это не он, – пыталась убедить себя я, уже прозревая жестокую правду. – С какой стати криминальный авторитет будет заказывать частные расследования? Это просто бармен ошибся и завел меня не в ту кабинку. Что они сами, что ли, не разберутся в своих делах? Да быть этого не может! Откуда он вообще мог узнать о моем существовании? Нет, этого просто не может быть! И с какой стати?! Почему я? Я, Татьяна Иванова, всегда стоявшая на страже строгой законности… ну, или почти всегда… И теперь я должна буду работать на одного из лидеров криминального сообщества? Нет, это просто в голове не укладывается!»

То, что мне придется иметь дело именно с одним из лидеров, было понятно уже по тому, что из всех, присутствующих в комнате, сидел только пышнотелый бритоголовый гражданин. Остальные стояли. Вокруг него в полумраке кабинета маячили еще несколько личностей, подробно разглядеть которых я не могла из-за плохого освещения.

– Добрый вечер, вы, наверное, Татьяна?

То, что я поначалу приняла было за ручку от швабры, оказалось мужчиной. Стоящий слева и чуть позади меня господин, слишком худой для своего высокого роста, задавая вопрос, предупредительно нагнулся ко мне. Наверное, подумал, что в разогнутом состоянии рот его находится слишком далеко от моего уха и я могу не расслышать.

Бросив беглый взгляд на собеседника, я выделила для себя огромные очки и торчащие уши.

– Это я звонил вам, – продолжил он. – Позвольте представить – Владимир Семенович.

Владимир Семенович, все это время сосредоточенно занимавшийся насыщением, ненадолго прервался, чтобы окинуть меня оценивающим взглядом, и тут же снова принялся за еду.

Совсем как в детских фильмах, где показывают разбойничьи пиры, он ухватился за ножку запеченной курицы, лежащей перед ним на блюде, и, оторвав ее, хищно впился в мясо зубами.

– Мы бы хотели поговорить с вами об одной проблеме, – продолжал очкарик, для которого подобные сцены, видимо, были вполне привычными и естественными. – Присаживайтесь, пожалуйста. Не хотите ли заказать что-нибудь?

– Нет, спасибо.

Я скромно присела по другую сторону стола, за которым так аппетитно ужинал мой потенциальный клиент.

Евгений Сергеевич, казавшийся по телефону таким солидным и представительным, а на поверку оказавшийся бледнолицей ушастой жердью, по всей вероятности, выполнял основную работу в тех случаях, когда у его шефа возникала необходимость «поговорить об одной проблеме». По крайней мере, первые полчаса я разговаривала именно с ним. Точнее, внимательно слушала, вставляя время от времени короткие фразы.

– По причинам, от него не зависящим, Владимир Семенович долго отсутствовал в Тарасове, – начал свой рассказ Евгений Сергеевич. – Вернувшись, он захотел повидаться с одной из своих знакомых, но оказалось, что ее нет в живых. Мы навели справки и выяснили, что, по версии полиции, смерть наступила в результате несчастного случая.

– Мму-у, – произнес Владимир Семенович.

Очевидно, возмущение его было столь велико, что он не смог его сдержать, даже учитывая тот факт, что его рот был до отказа забит курицей.

– Но мы не склонны рассматривать эту версию как обоснованную, – перевел Евгений Сергеевич, – и просим вас провести дополнительное расследование с целью установления причины смерти.

– У вас имеются конкретные факты, указывающие на то, что смерть произошла от других причин? Или вы просто считаете, что расследование было проведено

официальными органами недостаточно тщательно?

– Я уже упоминал о том, что Владимира Семеновича долгое время не было в городе, – терпеливо повторил Евгений Сергеевич. – Поэтому, разумеется, мы не можем знать во всех подробностях то, что происходило здесь в это время. Но ваша задача, как частного сыщика, если не ошибаюсь, в том и заключается, чтобы эти подробности выяснить.

Мне очень хотелось сказать ему, что для того чтобы начинать выяснять подробности, нужно иметь достаточно веские основания. Но заметив, как насупился Владимир Семенович, едва лишь я намекнула на то, что его претензии к полиции могут быть надуманными, я решила не заострять внимание на этом вопросе. Совершенно очевидно, что для «шефа» вполне достаточным основанием является его личное мнение, и пытаться разубедить его бесполезно. Я и не стала. Зачем почем зря портить человеку аппетит?

– Если уж речь зашла о подробностях, – сказала я, – то не могли бы вы сказать, о ком идет речь и при каких именно обстоятельствах наступила смерть?

– Речь идет о знакомой Владимира Семеновича, Оксане Ширяевой. Незадолго до… в общем, в свое время Владимир Семенович устроил ее художником в детский театр, где, собственно, и произошло то, что официальными органами было расценено как несчастный случай.

В этот момент Владимир Семенович, уже успевший прожевать курицу, издал некий звук, очень похожий на одно нехорошее слово, после чего снова с ожесточением впился в куриную ногу.

Евгений Сергеевич отреагировал на ремарку шефа лишь едва заметным движением своих больших ушей.

– Как нам удалось выяснить, – продолжал он, – все произошло во время спуска на сцену декораций. Основные цеха в театре, плотницкий и декораторский, расположены непосредственно над сценой, и из них ведут большие люки, предназначенные для перемещения на сцену всего необходимого. Плотницкий цех расположен над декораторским, поэтому в тот момент, когда происходил спуск, оба люка были открыты, а сама Оксана находилась в плотницком цехе. Возможно, ее кто-то подтолкнул или произошло еще что-то подобное. В общем,

именно это вам и предстоит выяснить.

Евгений Сергеевич говорил так, как будто мое согласие все это «выяснить» – дело решенное.

– У Оксаны были враги?

На этот вопрос мой собеседник как-то неопределенно улыбнулся и после небольшой паузы произнес:

– Трудно сказать. Но знаете, как иногда бывает, – можно нажить себе врагов, даже не подозревая об этом. Неосторожное слово, какое-нибудь не совсем обдуманное высказывание… Ты, собственно, ничего плохого не имел в виду, а человек обиделся. В общем, нюансы личных взаимоотношений.

По-видимому, витиеватая и неопределенная фраза Евгения Сергеевича должна была означать, что у этой самой Оксаны характер был далеко не ангельский, но в присутствии своего шефа он не может высказываться об этом слишком конкретно.

– Кроме того, как я уже сказал, – продолжал мой собеседник, – на какое-то время Оксана выпала из поля нашего зрения, и что именно происходило с ней в этот период, предстоит выяснить вам.

– То есть, если я правильно поняла, возможность, что это действительно мог оказаться несчастный случай, не исключается?

– Да че ты… в натуре. Случай, случай… Че она – тупая, что ли? На фига она будет в эту дырку прыгать?

Это были первые слова, которые произнес сам Владимир Семенович. Очкастый предупредительно замолчал, видимо, ожидая, что дальше будет говорить шеф. Но тот, похоже, посчитал, что сказанного вполне достаточно, чтобы рассеять мои последние сомнения в необходимости дополнительного расследования.

После непродолжительного молчания, во время которого, кажется, один только Владимир Семенович не испытывал ни малейшей неловкости, снова заговорил

его ушастый секретарь.

– Поэтому мы и посчитали целесо-образным провести дополнительное расследование этого случая и, учитывая многочисленные положительные отзывы, обратились к вам, – сказал он, как бы продолжая мысль своего шефа.

Да уж, посчитали целесообразным, нечего сказать. И от кого это, интересно, слышали они обо мне «многочисленные положительные отзывы»? Разве что от тех, кто с моей помощью оказался за решеткой? Кстати, не по этим ли «независящим от него причинам» Владимир Семенович долгое время отсутствовал в городе и не мог проконтролировать жизнь и деятельность своей подруги?

Положение мое было не из приятных. Совершенно очевидно, что единственная причина, по которой мне пытаются навязать это расследование, – каприз Владимира Семеновича. Хотя, не зная всех обстоятельств, я, конечно, не могла утверждать со стопроцентной уверенностью, что версия полиции о несчастном случае верна. Но тот факт, что органы ничего «криминального» не заподозрили, наводил на вполне конкретную мысль. Я сама некоторое время трудилась в этих «сплоченных рядах» и знаю, что совсем уж безосновательных выводов там не делают.

Кроме того, выслушанный мной рассказ практически не давал никакой информации о деле. Была девушка, работала в театре, упала в люк – вот, собственно, и все. Имея в активе такое количество данных, не приходится даже думать о выдвижении каких-либо версий.

Но самое плохое даже не это. Самое плохое – это то, что, несмотря на всю нелепость и необоснованность претензий Владимира Семеновича, мне, похоже, все-таки придется согласиться на это расследование. Увы, сейчас я имела дело не с какой-нибудь «шестеркой», а с товарищем вполне серьезным и, отказавшись ему помочь, могла нажить себе вполне «конкретные» проблемы.

Если уж Владимир Семенович так сердит от одного предположения, что полиция, расследуя смерть его подруги, не отнеслась к делу с должным вниманием, то что ожидает меня, если я откажусь проводить это расследование? Ведь это уже не будет предположением. Это будет совершенно определенное знание, что он, крутой и авторитетный мужчина, хотел чего-то, но

не получил этого. Не получил не от какого-то далекого и расплывчатого управления внутренних дел, а от вполне конкретной Татьяны Ивановой, телефон и прочие координаты которой ему очень хорошо известны.

Нет, лишние проблемы мне были ни к чему.

Почти убедив себя, что мне все-таки придется взяться за расследование, я тем не менее посчитала весьма полезным подстраховаться относительно его результатов.

– Вы, кажется, упомянули, что слышали обо мне положительные отзывы, – начала я издалека. – Так вот, могу сказать вам, что если я берусь за расследование, то не делаю никаких выводов, пока не проверю все досконально. Но если уж я прихожу к какому-то заключению, то это означает, что я на все сто процентов уверена, что это именно так, а не иначе. В связи с этим сразу хочу оговориться. Если в результате моих следственных действий выяснится, что смерть Оксаны действительно наступила в результате несчастного случая, вам придется смириться с тем, что это именно так.

Я предвидела, что сказанное мною вызовет неудовольствие Владимира Семеновича. Но все-таки это было меньшее зло по сравнению с тем, что будет, если заранее не подготовить его к подобному варианту развития событий. Ведь в действительности нет никаких оснований предполагать, что случай, о котором идет речь, – это именно убийство. И если все данные, которые мне удастся получить в ходе расследования, укажут именно на несчастный случай, как, скажите на милость, я объясню это Владимиру Семеновичу, который нанял меня именно для того, чтобы я нашла ему убийцу? Пути отступления нужно было подготовить заранее.

Владимир Семенович действительно нахмурил брови, выслушав мой монолог, но и на сей раз его ответ не поразил меня оригинальностью и широтой словарного запаса.

– Да че ты… в натуре, – снова произнес он и снова замолчал, вероятно, считая список возражений исчерпанным.

– Ну что ж, если вы сейчас свободно располагаете своим временем, – вступил в разговор Евгений Сергеевич, снова выдержав небольшую паузу, – то чем скорее

вы начнете расследование, тем лучше.

– Да, конечно. Нам нужно будет заключить договор…

На этот раз, уже, видимо, не в силах сдержать бьющие через край эмоции, Владимир Семенович даже фыркнул.

– Да че ты! В натуре… Договор еще какой-то! Штука баксов – хватит?

– Видите ли, сумма оплаты зависит от продолжительности расследования и…

Да, похоже, выслушивать возражения Владимир Семенович не был склонен даже, как говорится, в проекте. Во всяком случае, лишь только я начала говорить, он не только снова фыркнул, но даже как-то двинул головой, что, по-видимому, означало уже крайнюю степень раздражения.

– Вот упертая, – произнес он, и я мысленно отметила появившееся новое слово.

Евгений Сергеевич беспокойно шевелил ушами, кажется, одновременно желая и не решаясь вступить в разговор, чтобы как-то разрядить обстановку.

– Ну, две штуки хватит? – снова спросил Владимир Семенович, и уже по тону его было понятно, что он делает мне просто из ряда вон выходящее одолжение.

– Хватит, – сказала я, посмотрев на Евгения Сергеевича, который от волнения начал покрываться пятнами.

– Геняша, отсчитай, – произнес Владимир Семенович, тяжело выдохнув воздух, как будто только что взобрался на высокую гору.

На заднем плане возникло какое-то движение, и только в этот момент я поняла, что то, что до сих пор казалось мне широкой ширмой, стоявшей в дальнем, затененном углу «кабинета», на самом деле было Геняшей.

Выйдя на свет и заняв собой абсолютно все свободное пространство в комнате, Геняша вытащил из-за пазухи пачку зеленых и стал ее мусолить, отсчитывая требуемую сумму. Какое-то время в помещении стояла тишина, и было только

слышно, как тяжело сопит Геняша, совершая, по-видимому, не самую простую для себя арифметическую операцию.

Наконец нужная сумма была отсчитана, и Геняша снова ушел в тень.

– Ну давай действуй, – напутствовал меня Владимир Семенович.

– Еще один момент, – сказала я перед тем, как уйти. – Мне нужны какие-то ваши координаты, чтобы сообщать о результатах расследования, например, номер телефона или…

– Да, да, конечно, – поспешно проговорил Евгений Сергеевич.

По-видимому, он опасался, как бы я снова не сказала что-нибудь такое, что спровоцирует неудовольствие шефа.

– Запишите номер моего сотового. Можете звонить в любое время.

Забив в трубку номер, я вежливо попрощалась и покинула ресторан.

* * *

Ситуация, в которой я оказалась, взяв на себя расследование этого дела, явно требовала дополнительного осмысления. Прежде чем сесть в машину и отправиться домой, я решила немного пройтись, подышать воздухом и хотя бы наметить то, с чего начинать.

Свернув с центральной улицы, на которой был расположен ресторан, на тихую боковую, я безо всякого оптимизма размышляла об этом, так неожиданно свалившемся на меня, неприятном расследовании.

Итак, что же мы имеем? А не имеем мы практически ничего. Кто такая эта Оксана Ширяева? Неизвестно. Каковы были «нюансы» ее «личных взаимоотношений», на которые намекал ушастый секретарь? Неизвестно. Каким образом и по какой причине она оказалась у открытого люка? Неизвестно. И неизвестно также, помог ли ей кто-то в него свалиться или она справилась с

этим сама.

В общем, полный и абсолютный ноль, с которого и предстоит начинать расследование.

Однако это было легче сказать, чем сделать. Все данные, которые мне были сейчас необходимы, я могла получить только в одном месте – в нашем городском детском театре, где до своей смерти работала Оксана Ширяева. Но никаких путей и каналов для получения этих данных у меня не было. Я не имела там знакомых, через которых могла бы раздобыть интересующую меня информацию, и не имела актерского образования, чтобы проникнуть туда инкогнито.

Да, ситуация, несомненно, требовала осмысления.

Неспешно меряя шагами улицу, на которую свернула, чтобы уйти от суеты центрального проспекта, я вдруг обнаружила, что нахожусь прямехонько перед входом в тот самый детский театр, которым сейчас были заняты мои мысли.

На дверях я заметила объявление. Рассеянно и без любопытства, просто по привычке отмечать любую информацию, я пробежала его глазами. Но содержание было таково, что я перечитала во второй раз, уже гораздо внимательнее.

В объявлении говорилось, что в декораторский цех требуется художник.

Признаюсь, даже в самых безумных своих мечтах я никогда не видела себя стоящей у мольберта с кистью в руке. Ни один из моих многочисленных талантов не имел ничего общего с талантом художественным. Но в объявлении говорилось о том, что в театре, куда мне так необходимо было попасть, имеется вакантная штатная единица, и я решила, что упустить этот шанс будет непростительно.

Мышление мое сразу активизировалось, и я лихорадочно стала соображать, как же мне так извернуться, чтобы занять открывшуюся вакансию.

Однако все приходившие в голову варианты, как один, оказывались несостоятельными. Я не могла сказать, что окончила соответствующее учебное

заведение, потому что для подтверждения этого потребовались бы документы. Я не могла сказать, что уже выполняла где-то подобную работу, потому что и в этом случае потребовались бы подтверждающие документы. Но главное, почему я не могла сказать ничего подобного, заключалось в том, что я абсолютно не умела рисовать. В принципе. Это умение не было заложено в меня природой.

Размышляя обо всем этом, я вдруг вспомнила, что Евгений Сергеевич, рассказывая о месте работы Оксаны, упоминал, что в театр ее устроил шеф.

«А почему бы этому шефу не устроить и меня? – тут же подумала я. – Ведь в конце концов, это в его интересах. И потом, если эта Оксана состояла в подружках у такого кадра, как Владимир Семенович, навряд ли она умела рисовать намного лучше, чем я. Насколько я могу судить, люди, имеющие профессиональное художественное образование, вращаются в несколько иных кругах».

Мысль, кажется, была недурна. Единственная проблема, которая могла здесь возникнуть, это то, что Владимир Семенович долгое время не был в городе и, возможно, утратил часть своих старых связей. По причинам, от него не зависящим.

Но это уже его проблемы.

Чувствуя, что передо мной открываются хоть какие-то горизонты в этом безнадежном деле, я немного успокоилась. Решив, что теперь, когда я нашла ту отправную точку, с которой мне следует начинать свои действия, я могу уже и отдохнуть, я развернулась и пошла обратно.

Дойдя до припаркованной неподалеку от «Экспресса» машины, я села за руль и вскоре уже парковалась в своем дворе.

Только поднявшись в квартиру, я вспомнила, как сегодня устала, и подумала, что уж теперь-то могу с чистой совестью отойти наконец ко сну.

Глава 2

Первым моим осознанным действием на следующее утро был звонок на мобильный Евгению Сергеевичу.

– Здравствуйте, вас беспокоит Татьяна Иванова.

– Здравствуйте, – удивленно проговорил голос из трубки.

– У меня будет к вам небольшая просьба. Думаю, вы понимаете, что для проведения качественного расследования тех данных, которые вы мне вчера сообщили, абсолютно недостаточно. А дополнительную информацию я могу получить, только общаясь с теми людьми, с которыми имела дело Оксана незадолго до своей смерти. Поскольку в это время она, по вашим словам, работала в театре, то и мне необходимо туда попасть. Если не ошибаюсь, вчера вы говорили о том, что в театр Оксану устраивал Владимир Семенович?

– Да.

– Так вот, не мог бы он и мне помочь туда устроиться? Там на дверях висит объявление, что им требуется художник в декораторский цех. Возможно, это связано с тем, что Оксана там уже не работает, и у них появилась вакансия.

– Да, вполне возможно. Вся эта история произошла в конце мая, когда сезон уже заканчивался и все собирались в отпуска. А теперь, в связи с началом нового сезона, вполне возможно, что им необходим кто-то на место Оксаны.

– Признаюсь, мне было бы намного легче проводить расследование, если бы удалось занять это место.

– Что ж, я поговорю с Владимиром Семеновичем.

– Но должна предупредить вас, что я совсем не умею рисовать.

– Это пустяки, – по тому, как звучал голос моего собеседника, я поняла, что он улыбается. – Оксана тоже не была особенно выдающейся художницей, но это нисколько не мешало ей в профессиональной деятельности. Я поговорю с Владимиром Семеновичем, и как только результаты будут известны, перезвоню вам.

Дипломатичный Евгений Сергеевич неизменно отзывался о своем шефе так, что если бы я не знала кто он такой, я, несомненно, подумала бы, что это один из представителей солидной руководящей элиты.

– Да, и еще, – предусмотрительно напомнила я. – О моей настоящей цели появления в театре никто не должен знать.

– Разумеется.

Евгений Сергеевич положил трубку, а я в ожидании результатов его переговоров с боссом решила навести кое-какие справки.

Меня чрезвычайно интересовало, кем же на самом деле был человек, заказавший мне расследование, и правильно ли мое предположение о том, что отношения с таким человеком лучше не портить.

Обзвонив нескольких компетентных товарищей из весьма различных и отчасти даже противоположных социальных и профессиональных слоев, я выяснила много интересного. Оказалось, что пресловутый Владимир Семенович – это не кто иной, как Боба Маленький, один из признанных криминальных авторитетов нашего города. Во времена буйной молодости, которая по счастливому стечению обстоятельств пришлась на девяностые годы, он довольно успешно занимался рэкетом и крышевал кооператоров. Сейчас же работал на почти легальной основе, контролируя несколько районов города и мирно собирая дань, с кого следует.

Компетентным органам однажды совершенно случайно удалось поймать Бобу с поличным. Хотя он нанял целую команду адвокатов и не переставая уверял, что все было подстроено, представителям обвинения удалось-таки настоять на том, чтобы его посадили. В результате последние три года своей жизни Боба был вынужден провести достаточно далеко от нашего города по причинам, действительно от него нисколько не зависящим.

Вернувшись, он решил возобновить старые связи и обнаружил, что кое-кого из списка недостает. В результате чего я и поимела «приятную» возможность с ним познакомиться.

Учитывая специфику моей профессиональной деятельности, мне доводилось слышать кое-что о Бобе, и сейчас я только лишний раз убедилась в том, что поступила совершенно правильно, не став спорить с ним и согласившись на расследование. Уж кого-кого, а Бобу я никому не пожелала бы иметь врагом. И себе, любимой, – меньше всего.

Тем временем события развивались, и в моей квартире снова раздался телефонный звонок. Евгений Сергеевич сообщил мне, что относительно меня была проведена подготовительная беседа с нужными людьми. Для того чтобы уладить вопрос окончательно, мне необходимо сейчас подъехать в театр и встретиться там с неким Игорем Азатовым, заведующим постановочной частью.

Довольная тем, что все так хорошо устроилось, я стала бодро и радостно собираться, как вдруг вспомнила, что не имею в своем активе ничего такого, чем могла бы объяснить свою претензию на вакансию театрального художника. Рисовать я не умела, и хотя Евгений Сергеевич говорил, что это необязательно, но ведь это не ему предстояло в самом ближайшем будущем краснеть за свои способности, а точнее, за полное их отсутствие.

Я понимала, что для того чтобы мое появление в театре в качестве именно художника, а не кого-то другого, не вызвало подозрений, я должна придумать что-то, что объясняло бы мои действия. Какую-нибудь историю, которая могла бы убедить окружающих и в особенности тех, с кем непосредственно мне предстоит «художничать», в том, что для того чтобы претендовать на это место, у меня есть некие гораздо более веские причины, чем умение рисовать. И понятно, что чем меньше у меня способностей к рисованию, тем более глобальными должны быть причины, направившие меня на стезю театрального художника.

Думаю, это должен быть какой-то неотвратимый, трагический поворот в судьбе. Типа… типа… А! Вот оно! Типа того, что неожиданно умер мой богатый муж и оставил меня без средств к существованию, так как все наше состояние пошло на уплату долгов, которых у него оказалось выше крыши. А я, будучи лет с восемнадцати за ним как за каменной стеной, делать ничего не умею, образования никакого не имею, и если бы не добрые люди, составившие мне протекцию, я бы умерла с голоду.

Историйка была так себе, но она объясняла основные пункты – то, что устраиваюсь я по знакомству, о чем наверняка всем очень быстро станет

известно, и то, почему именно устраиваюсь художником. Мне ведь в моем положении перебирать не приходится, кем поставят, тем и буду. Спасибо еще, что вообще хоть кем-то пообещали устроить.

Придумав легенду, я подобрала подходящий под нее скромный наряд и спустилась к машине.

Припарковавшись на одной из боковых улиц, к зданию театра я подошла пешком, чтобы мое соответствие образу убитой горем вдовы было наиболее полным.

Войдя внутрь, я оказалась в абсолютно пустом вестибюле, где за стеклянными окошечками скучали кассирши. С первого взгляда было понятно, что заведующий постановочной частью Игорь Азатов явно обретался не здесь.

– А вы не подскажете, как мне найти Азатова? Игоря Азатова?

Видимо, постоянная мысль о том, что я должна выглядеть как несчастная вдовица, сделала свое дело. Вопрос мой прозвучал очень жалостно, сразу вызвав у кассирш сочувствие. Не спрашивая, зачем мне понадобился этот Игорь, они объяснили, что самый короткий путь к нему лежит через черный ход.

– Вы обойдите здание, – внушала одна из женщин. – Там с обратной стороны дверь, сразу увидите. У вахтера спросите, он вам все объяснит.

Исполнив эти указания и войдя в дверь, я оказалась на небольшой площадке. Вверх и вниз от нее вели ступеньки, а непосредственно на самом пятачке стояли стол с включенной настольной лампой и стул, на котором сидел старенький дядечка, видимо, тот самый вахтер.

– Вам кого? – очень строго спросил дядечка.

– Мне нужен Азатов. Игорь. Заведующий постановочной частью.

– Да?

– Да.

– А зачем он вам?

– По делу.

Критически меня осмотрев, будто оценивая, может ли у меня в действительности быть какое-нибудь дело или я беспокою его понапрасну, дядечка, тяжко вздохнул и произнес:

– Ждите, сейчас позову.

С этими словами он поднялся со своего места и направился вверх по лестнице.

Я терпеливо ждала. Снизу доносились голоса, потом на лестнице показался молодой человек в защитном комбинезоне. С интересом взглянув на меня, он скрылся за входной дверью.

Потом голоса послышались сверху:

– …Да это ты просто завидуешь, Петрович, так и скажи.

– Чего «завидуешь»? Чему я тут завидовать должен? Я должен на своем месте сидеть, а не бегать тут за вами. Ходят тут к ним… то к одному ходят, то к другому. То девушки, то не девушки, а я тут за ними всеми бегай туда-сюда!

– Я же говорю – завидуешь. К тебе-то вот девушки не ходят, а к нам ходят. Вот ты и завидуешь.

В этот момент на лестнице показались говорящие – уже знакомый мне дядечка и рядом с ним пузатенький с черными кудрями и сочными губами мужчина – видимо, тот самый заведующий постановочной частью Азатов.

– Здравствуйте, я от Владимира Семеновича.

– Ага, – многозначительно произнес кудрявый, наклонив голову и буквально ощупывая меня любопытным и наглым взглядом. – Ну что ж, прошу.

Он посторонился на лестнице, как бы приглашая меня пройти наверх.

Петрович, продолжая ворчать, занял свое рабочее место, а мы с Азатовым стали подниматься по лестнице. Она оказалась длинной, и, штурмуя ступеньки, я даже успела составить некоторое предварительное мнение об Азатове.

– Ну, как там поживает Владимир Семенович? – спросил он, игриво улыбаясь.

Не нужно было обладать слишком большой проницательностью, чтобы понять, что он уверен в том, что я – новая подружка Бобы. Я не собиралась слишком уж пламенно разубеждать его в этом, но и подтверждать тоже не хотела, поэтому, скромно опустив глаза, сказала:

– Не знаю, мы с ним не очень близко знакомы. На самом деле я…

– Ой-ой-ой, – замотал головой Азатов, видимо, желая дать понять, что уж кого-кого, а его-то мне не провести. – Какие мы скро-омные. Какие мы скры-ытные.

– Но я действительно…

– Да ладно – дело твое. Не хочешь говорить – не нужно. Сейчас познакомишься с девчонками, оформишься и можешь приступать. У нас тут как раз новая постановка в самом разгаре, скоро премьера, работы невпроворот, а Санки сейчас нету, так что в плане рабочей силы недокомплект получается, девчонкам тяжело.

– Санки? – сразу навострила уши я. – Какой Санки?

– Оксаны, что до тебя здесь работала. Ее тоже этот устраивал… Владимир Семенович.

Азатов снова игриво взглянул на меня, но на этот раз как-то сбоку и довольно дву-смысленно.

Наконец мы пришли. Хотя лестница уходила еще на несколько пролетов вверх, наше путешествие закончилось на одной из промежуточных площадок. Азатов открыл дверь, и мы оказались в неожиданно громадном и почти пустом

помещении.

Левая стена комнаты была глухая, а справа находились четыре огромных окна, в которых вливалось достаточно света, чтобы помещение не было темным. Под окнами по всему периметру стояли столы со всевозможными, по всей видимости, художественными принадлежностями.

Напротив, довольно далеко от себя я заметила еще две двери, а пол этой большой комнаты был застелен полотном, на котором виднелись весьма загадочные для меня цветовые пятна.

– Вот, это – наш декораторский цех, – сказал Игорь и повел меня в обход лежавшего на полу полотна к одной из располагавшихся на противоположной стене дверей.

– Таня! – вдруг раздалось из-за двери, когда мы приблизились.

От неожиданности я даже вздрогнула, но все быстро объяснилось.

Игорь открыл дверь, и я увидела небольшую комнатку, посреди которой стоял низенький стол, а рядом с ним два огромных кресла. В одном из них сидела Татьяна Чурсинова, очень хорошо мне известная и любимая мною актриса, а перед ней стоял на коленях какой-то молодой человек. Устремившись к ней всем корпусом и не обращая на нас с Азатовым ни малейшего внимания, он продолжал свою взволнованную речь:

– Таня, ты пойми! Мне не нужно ничего! Ничего! Ни славы, ни денег. Ничего! Мне нужно только одно. Чтобы дернул – и оно пошло, – говорил он, изображая, будто дергает за веревку. – Чтобы оно смывалось, Таня! У меня жена, ребенок маленький, а там такая вонь, такое… ты себе даже представить не можешь!

– Танечка у нас профорг, – улыбаясь, комментировал происходящее Игорь. – Общественный деятель. Поэтому актеры со своими бедами всегда идут к ней. И правда, общежитие у нас… действительно… просто из ряда вон.

– Ладно бы еще общежитие, Игорь, – не вставая с колен, обратился к нему молодой человек. – Ладно общежитие. Но если уж вы заселяете людей в дом, то

сделайте нормальный туалет! Хоть один на этаж! А то ведь скоро там просто дышать будет невозможно!

– Хорошо, Коленька, я поговорю, – успокаивала Чурсинова и, заметив постороннее лицо, добавила: – Но мы, наверное, мешаем?

– Нет, нет, – сказал Игорь. – Вот, Наташа, подкрепление тебе привел, принимай новую работницу.

За низеньким столом напротив Чурсиновой сидела еще одна женщина, к которой и обращался теперь Игорь. Длинные выкрашенные хной вьющиеся волосы, светло-серые глаза и испачканный краской синий рабочий халат.

– Что ж, добро пожаловать, – сказала она, внимательно и несколько настороженно разглядывая меня.

– Вот, познакомься, – Наталья Викторовна, начальница твоя, – снова обратившись ко мне, продолжал балагурить Игорь. – А это у нас Татьяна. Тоже Татьяна, заметил он, игриво сощурившись уже в сторону Чурсиновой.

– Очень приятно, – улыбнулась та.

Я тоже стояла и глупо улыбалась, не зная, как вести себя в сложившейся ситуации. Главное, что меня смущало, это то, что я не могла ответить себе на вопрос: меня уже приняли на работу или еще нет?

– Ну ладно, вы тут знакомьтесь, а я побежал, – весело сказал Игорь и действительно убежал, оставив меня одну-одинешеньку в таком неопределенном положении.

– Проходите, Татьяна, садитесь, – пригласила меня Наталья Викторовна, поняв, что я в замешательстве. – Вы работали когда-нибудь по этой специальности?

– Вообще-то нет, – ответила я, сразу вспомнив заготовленную историю. – Видите ли, дело в том, что до последнего времени я вообще нигде не работала…

Снова сделав скорбное лицо и добавив жалости в свой грустный взгляд, я начала говорить о том, как мало было у меня забот в то время, когда я жила с мужем, и как много стало их сразу после его смерти.

– Вы не представляете, даже самые элементарные вещи… не знаю, чай заварить, яичницу пожарить, ведь даже этого я не умела. Сейчас самой кажется смешным, а ведь после того как мне пришлось уволить домработницу, я тонны продуктов перепортила, пока научилась готовить.

Я говорила это и одновременно думала: «Ах, хоть денек бы пожить мне с домработницей!»

Женщины смотрели с пониманием и сочувствием.

– Да, тяжело вам пришлось, – сказала Чурсинова. – Но не расстраивайтесь, думаю, Наташа поможет вам встать на ноги. А мне уже пора идти, до свиданья, девочки.

Она удалилась, а вместо нее в маленькой комнатке появилась еще одна женщина. По виду она была моложе Натальи, но гладко зачесанные волосы, большие очки и синий халат ее старили.

– Это Оля, познакомьтесь, – представила Наталья. – Оля, это Татьяна. Она будет работать с нами.

– А-а, – безучастно произнесла Оля и заговорила о делах: – Наталья Викторовна, охры на складе нет, сказали, завтра привезут.

– Ну ничего, тогда займись сегодня аппликациями.

– Хорошо, – ответила Оля и сразу вышла.

– Какая у вас, наверное, интересная работа, – старалась подольститься я. – Вообще театр всегда представлялся мне чем-то сказочным, необычным.

– Ну да, ну да. Так вы говорите, Танечка, что у вас совсем нет никакого опыта подобной работы?

– Нет, к сожалению, совсем никакого. Но я буду стараться. Ведь и в других видах деятельности у меня нет опыта, так что в любом случае мне придется начинать с нуля. У меня хорошая обучаемость. Например, жарить яичницу я научилась уже со второго раза.

Наталья улыбнулась и сказала:

– Хорошо, поработайте с нами. Сейчас вам нужно будет… впрочем, я лучше сама вас отведу, вы ведь еще не знаете расположения помещений.

Мы вышли из маленькой комнатки.

– Оля, мы к директору, – обратилась Наталья к Оле, которая колдовала над полотном, лежащим на полу.

Спустившись по лестнице, мы миновали Петровича и стали спускаться дальше. В самом низу, откуда уже не вели никакие лестницы, оказался длинный коридор с множеством дверей, за которыми располагались гримерные.

Мы долго шли по коридору, снова поднимались и спускались по лестницам, а мимо нас то и дело шмыгали туда-сюда дамы в костюмах восемнадцатого века, загадочные личности в широкополых шляпах и миниатюрные тетеньки, одетые мальчиками.

Наконец мы оказались в кабинете директора.

С формальностями все обошлось благополучно, и хотя я немного опасалась, что без опыта и специального образования директор не захочет меня брать, но он претензий не предъявлял.

– Зарплата у нас… небольшая, – как-то загадочно произнес он. – Но, возможно, потом, со временем…

Я поняла, что он имеет в виду, только когда узнала, какая именно небольшая зарплата меня ожидает. «И за эти деньги люди соглашаются работать?!» – так и хотелось мне заорать изо всех сил. Но памятуя о том, что я-то, собственно, работаю не за эти деньги, орать изо всех сил я не стала, а тихо и скромно

заметила:

– Да, зарплата действительно небольшая.

Однако этот инцидент существенно уменьшил мои комплексы относительно некомпетентности в художественном деле. За такую зарплату даже я вполне сносный специалист.

Снова пройдя длинный коридор и бесконечные лестницы, мы с Натальей вернулись в декораторский цех, где теперь, кроме Оли, находилась еще одна девушка, совсем молоденькая.

– Алена, познакомься, это Татьяна. Новенькая. Будет работать с нами.

– Здгаствуйте, – сказала Алена, повернув ко мне сияющее счастьем лицо.

Признаюсь, меня немного удивила такая реакция на мое появление, ведь она видела меня в первый раз. Что же могло ее так обрадовать? Однако через минуту девушка обратилась к Наталье и с таким же счастливым выражением сообщила ей:

– Наталья Виктоговна, в буфете булочки пгодают. Свежие! Пгинести вам?

Похоже, выражение счастья и радости было естественной реакцией Алены на все жизненные проявления. О, счастливое детство, где ты?

– Что ж, сбегай, принеси, – ответила Наталья, взглянув на часы. – Уже и обедать пора. Да и для Тани тоже купи, не забудь.

– Нет, нет, что вы, мне не нужно.

– Ничего, посидите с нами, чайку попьете. Получше познакомимся. Нам ведь теперь вместе работать. Сегодня я вас задерживать не буду, а завтра приходите к девяти утра. Попрошу не опаздывать.

– О да, да, конечно. Спасибо, что взяли меня, – произнесла я, с благодарностью взглянув в глаза Наталье.

– Ничего, ничего, поработаете. На эту зарплату ведь тоже не особенно идут.

– Да, зарплата, она… Наверное, из-за этого у вас и вакансия появилась?

Наталья нахмурилась, и выражение ее лица стало жестким и отчужденным.

– Нет, не из-за этого, – холодно проговорила она. – С девушкой, которая работала здесь до вас, произошел несчастный случай. Она упала в люк из плотницкого цеха, когда оттуда спускали декорации. И разбилась.

– Да что вы? Как жаль! А где он, этот плотницкий цех?

– Прямо над нами. Были открыты оба люка, и у них, и у нас, так что она упала оттуда прямо на сцену, ну и… Даже «Скорая» не успела приехать.

– Какой ужас!

– Здесь большая высота, будьте поосторожней. Когда люки открыты, близко к ним не подходите.

Прибежала из буфета Алена вся в улыбках и свежих булочках, и мы сели пить чай. В продолжение чаепития я старалась составить представление о женщинах, с которыми работала Оксана и с которыми теперь предстояло работать мне. Тянет ли какая-нибудь из них на подозреваемую?

Алену я исключила сразу. Не говоря уже о нежном возрасте, который совсем не вязался с таким страшным преступлением, как убийство, общий психологический портрет этой девушки исключал самую мысль о каких-либо подозрениях. Было совершенно очевидно, что никаких потаенных замыслов она не вынашивает, никаких обид ни на кого не держит, что вся она такая, как есть, вся тут, как на ладони, и что совесть ее совершенно чиста.

Но к Наталье и Ольге, несомненно, стоило присмотреться повнимательнее.

Наталья была доброжелательна и, кажется, не подвержена тем внезапным приступам раздражения, которые частенько бывают свойственны дамам-

начальницам. Она держалась спокойно и естественно, иногда шутила, по ходу разговора делала для меня ознакомительные «сноски», поясняющие нюансы работы в театре, но тем не менее я ясно видела, что человек она закрытый и себе на уме.

Сложнее всего было составить мнение об Ольге. Она молча пила чай, почти не принимая участия в разговоре и никак себя не проявляя. Хотя и Наталья, и Алена обращались к ней свободно и непринужденно, тем не менее я ощущала между ними и Ольгой некое странное, едва заметное отчуждение.

Все это требовало разъяснения. Уже сейчас я предвидела, что независимо от того, прав или нет мой заказчик в своих подозрениях, в театре найдется работа не только для художника Татьяны Ивановой, но и для Татьяны Ивановой – частного сыщика.

Именно об этом размышляла я, возвращаясь домой.

Главная проблема, которая меня беспокоила с самого начала этого неприятного расследования, заключалась в том, что у меня не было ни малейшего представления о том, как именно произошло падение потерпевшей в этот злосчастный люк. Кто был в тот момент рядом? В каком положении находились все действующие лица? Кто находился ближе всех к Оксане и был ли он настолько близко, чтобы подтолкнуть ее к люку?

Эти вопросы требовали скорейшего разрешения, а с другой стороны, не могла же я так вот сразу приступать к расспросам, не проработав в коллективе и дня. Подобная прыть была бы совсем неуместной и сразу вызвала бы подозрения у моих новых коллег.

А подозрения мне были сейчас совершенно ни к чему. Наоборот, моя задача заключалась в том, чтобы как можно быстрее расположить к себе как можно большее количество народа. Ведь в настоящий момент я нахожусь на этапе сбора информации, а информацию мне могут дать только работники театра. Следовательно, я должна демонстрировать улыбчивость и доброжелательность, произвести на всех хорошее впечатление и завести как можно больше знакомств.

Что же до моего личного впечатления от театра, то пока театр ассоциировался только с бесконечными лестницами. Если для других театр начинается с вешалки, то для меня он определенно начался именно с лестницы.

«Интересное совпадение, – думала я. – Есть ведь такой театр… как его там… Ах да! Ла Скала. Театр на лестнице. Вот и у меня тоже получается что-то в этом роде».

Если бы в тот момент я могла предвидеть, какой театр вскоре разыграется на бесконечных лестничных пролетах, по которым мне пришлось сегодня спускаться и подниматься, я бы еще не один раз подумала, прежде чем браться за это дело.

Но ничего такого предвидеть я, разумеется, не могла, и мысли мои были полностью сосредоточены на новом расследовании. Я думала о том, как ухитриться в совершенно новой для меня обстановке за минимальные сроки собрать максимальный объем информации.

Мои размышления прервал телефонный звонок:

– Алло, Татьяна? Вас беспокоит Евгений Сергеевич. Владимир Семенович интересуется, как все прошло у вас в театре. Вас взяли на работу?

Скажите пожалуйста! Владимир Семенович интересуется! Что мне действительно интересно, так это узнать, бывают ли с Владимиром Семеновичем такие случаи, когда он разговаривает самостоятельно? Или рот у него предназначен исключительно для принятия пищи?

– Добрый вечер, Евгений Сергеевич. В театре все прошло хорошо, на работу меня взяли, и завтра я приступаю к своим новым обязанностям.

– Что ж, отличная новость. А когда приблизительно вы рассчитываете получить информацию по интересующему нас делу?

Эх ты! Смотри какой прыткой! Я еще и дня не проработала, а ему уже информацию подавай. Нет уж, милый мой, имей терпение.

– Как я уже вам говорила, я не привыкла оперировать непроверенными данными и тем более не считаю целесообразным сообщать подобную информацию клиентам. Учитывая то, что от вас я не узнала о деле практически ничего, думаю, понадобится не менее недели для того, чтобы собрать, систематизировать и проверить первичную информацию.

В телефонной трубке возникла пауза.

– А ускорить этот процесс никак нельзя? – осторожно поинтересовался Евгений Сергеевич. – Если это зависит от оплаты…

– Нет, это зависит не от оплаты, – не слишком вежливо перебила я. – Это связано с тем, что я делаю свою работу качественно. Посудите сами, как это будет выглядеть, если сегодня, например, я скажу вам одно, а завтра начну утверждать совершенно обратное? Да, для того чтобы собрать достоверную информацию, требуется время, но зато и выводы получаются намного точнее. Качественно проведя предварительную работу, мы можем с полной достоверностью утверждать, было ли совершено преступление и кто именно его совершил.

– Да, но Владимир Семенович…

– Постарайтесь объяснить ему, что сбор достоверной информации требует гораздо больше сил и времени, чем простое выслушивание сплетен. Если он хочет знать, как все было на самом деле, ему придется проявить терпение.

– Ну хорошо, хорошо, – все еще очень неуверенно проговорил Евгений Сергеевич. – Но все-таки я хотел бы попросить вас, Татьяна, использовать все возможности для ускорения процесса.

– Я постараюсь.

Бедный Евгений Сергеевич! Какую тяжелую долю приготовила ему судьба. Представляю себе, что это за удовольствие – работать с Бобой Маленьким! Я начинала испытывать к очкастому секретарю неподдельное сочувствие.

Однако если в результате моей качественно проделанной работы окажется, что все, произошедшее с Оксаной Ширяевой, – это все-таки несчастный случай, то не исключено, что сочувствие понадобится и мне самой. Ведь Боба рассчитывает, что на блюдечке с голубой каемочкой я преподнесу ему убийцу. Хотя я и постаралась намекнуть, что несчастный случай исключать тоже не стоит, еще неизвестно, как он отреагирует, если я не оправдаю его ожиданий.

Впрочем, не будем загадывать. Завтра мне предстоит первый рабочий день, и у меня будет возможность впервые в жизни попробовать себя в качестве художника. Надеюсь, когда мои новые коллеги воочию убедятся в том, сколь невелики мои способности в сфере изобразительного искусства, этот первый день не станет последним.

Глава 3

На следующее утро я как новенькая решила продемонстрировать дисциплинированность и приехала в театр раньше урочного времени. В результате имела удовольствие простоять минут двадцать возле наглухо запертой двери декораторского цеха.

– О, Таня, вы уже здесь? – слегка приподняв брови и мило улыбаясь, проговорила появившаяся наконец на лестнице Наталья. – А что же вы стоите? Нужно было ключ на вахте взять.

Что ж, будем считать, что знакомство состоялось. Надеюсь, за время работы здесь мне удастся узнать не только о том, что ключ от нашей двери можно взять на вахте. Но этот маленький факт я тоже отметила. Если правда то, что Оксана Ширяева была убита и убийца – один из работников театра, то наверняка и он мог взять этот ключ… для чего-нибудь.

Тем временем мой первый рабочий день в качестве театрального художника вступал в свою активную фазу. Меня нарядили в синий халат и заботливо предупредили, что и другие части туалета не помешало бы продублировать.

– Вам понадобится рабочая обувь, – говорила Наталья. – У нас тут, сами видите, и красочкой можно испачкаться, и вообще… Кстати, тут где-то должны быть ботинки вашей предшественницы, Оксаны, если хотите, можете пока

воспользоваться ими.

Но от такой приятной перспективы я поспешила отказаться.

«Нет уж, спасибо, – подумала я. – Мы уж так уж как-нибудь… Своими ботинками воспользуемся».

Впрочем, не думаю, чтобы Наталья имела в виду что-то плохое, предлагая мне Оксанину обувь. Наоборот, она, скорее всего, стремилась помочь. В этом декораторском цехе и в самом деле «окраситься» можно было на каждом шагу. Однако перспектива ношения обуви покойной меня настолько не прельщала, что я готова была даже испортить свою вполне приличную обувь, лишь бы ее избежать.

Закончив разбираться с моей экипировкой, Наталья провела для меня небольшую ознакомительную экскурсию по театру. Она хотела показать мне результаты работы декораторского цеха, я же со своей стороны намеревалась использовать экскурсию для того, чтобы получше ознакомиться со всеми закоулками театрального закулисья. Бесконечные лестницы, переходы и повороты представляли собой довольно удобный плацдарм для всевозможных тайных наблюдений и подслушиваний. Было бы очень полезно выяснить, где в случае чего можно прятаться, а где, может быть, и поставить «жучок».

Пройдя уже знакомую бесконечную лестницу и еще некоторое время поблуждав по закоулкам, мы оказались на сцене, где еще не были убраны декорации с вечернего спектакля. Моему взору предстали горные кряжи, разрисованные темно-зеленой и коричневой краской, хитросплетения лиан и искусственных листьев и прочие красоты дикой природы.

– Вот, это и есть наша работа, – говорила Наталья, водя меня по сцене. – Эти леса и горы мы приводим в надлежащий вид так, чтобы все выглядело натурально. Видишь?

– Да, да, – вторила я, следуя за ней по пятам и во все глаза глядя на то, чем мне предстоит заниматься.

Пока ничего страшного я не наблюдала. Похоже, создавать выдающиеся художественные произведения здесь не требуется, а уж подмалевать разные

выпуклости зеленой и коричневой краской – это сумею и я.

Но худшее ждало меня впереди.

Мы снова поднялись в цех, где к тому времени уже трудились Ольга и Алена. Они поздоровались со мной, одна безучастно, другая, напротив, чересчур радостно, и продолжали свое дело.

Тем временем Наталья принесла несколько больших кусков картона и протянула их мне:

– Сегодня «Незнайка», нужно нарисовать рисунки. Там по спектаклю он рисует портреты своих друзей.

Я поняла, что пробил мой смертный час.

– Наталья Викторовна, – умоляющим голосом заговорила я. – Может, мне пока что-нибудь попроще, а? Портреты – это как-то слишком сложно. А?

– Ничего, ничего. Наоборот, не нужно стараться. Это же Незнайка. Он ничего не умеет и рисовать совсем не умеет.

«Совсем как ты», – казалось мне, сейчас скажет она.

Но Наталья ничего такого не сказала, а вручила мне кисть, черную, синюю и красную краски и, дав еще несколько уточняющих рекомендаций, оставила меня наедине с картонными квадратами.

Взяв в руки кисть и обмакнув ее в краску, я от волнения напрочь забыла свою главную цель, которая вообще-то состояла не в рисовании портретов за Незнайку, а в расследовании причин смерти Оксаны Ширяевой.

Но вместо расследования мне припомнилось бессмертное произведение Ильфа и Петрова «Двенадцать стульев». Там в одном из эпизодов Остап Бендер рисует сеятеля, разбрасывающего облигации государственного займа. Именно в роли рисующего Остапа я и ощущала себя в данный момент. С той только разницей, что рядом со мной не было Кисы Воробьянинова, чтобы спросить его, как

художник художника: «Вы рисовать умеете?»

Сосредоточив все силы своей души на непосильной задаче, я водила кистью по картону, с ужасом убеждаясь, что то, что получается в результате, даже для не умеющего рисовать Незнайки, пожалуй, несколько чересчур.

Закончив свое черное дело, я показала рисунки Наталье, ни минуты не сомневаясь, что на этом моя художественная карьера закончится. Но Наталья только усмехнулась и сказала, что теперь я могу помочь девочкам клеить аппликации.

* * *

Время шло, и постепенно я осваивалась в театре.

Рисунки на картоне оказались отличной рекламой, и до глубины души изумленные актеры, у которых при виде этих шедевров совсем не по пьесе вытягивались лица, чрезвычайно заинтересовались, кто же автор.

Так театр узнал, что в декораторском цехе появился новый художник.

За актерами потянулись остальные, и познакомиться с молодым дарованием каждый день забегали то плотники, то монтировщики, а иногда даже помощники режиссеров.

– Имеешь успех, – силясь проникнуть своим наглым взором под синий халат, говорил Азатов.

– Стараюсь, – скромно отвечала я.

В целом пока все шло хорошо. Благодаря дебюту на «Незнайке» я завела много новых знакомств и теперь могла заходить и к плотникам, и к монтировщикам, и к реквизиторам не только по делу, но и просто поболтать.

Об Азатове и художниках-постановщиках нечего было и говорить. Они обретались в одном помещении с нами, занимая вторую небольшую комнатку, в

которую вела дверь из декораторского цеха. Дверь эта почти никогда не закрывалась. С Игорем мы почти сразу перешли на «ты», он оказался человеком очень компанейским, но и с художниками-постановщиками я общалась вполне свободно, тем более что двое из трех были дамами.

Теперь я легко ориентировалась в театральных подземных лабиринтах и уже не боялась заблудиться в том длинном коридоре, по которому меня водила Наталья в самый первый день.

Кстати, и сама она при более тесном знакомстве оказалась дамой весьма компанейской, начальницу из себя не корчила, часто шутила, и работать с ней было легко.

Однако нельзя было не заметить, что, проявляя ко всем равное дружелюбие, всякий раз, когда ей приходится обращаться к Ольге, она делает над собой некоторое усилие. Ольгу вообще как-то избегали и обращались к ней только тогда, когда уже больше было не к кому. Хотя она единственная из нас всех имела специальное образование и окончила художественное училище, но я уже несколько раз замечала, что если кто-то приходил по делу или с вопросом, а Натальи не было на месте, то пришедший, несмотря на нашумевшую историю с Незнайкиными рисунками, даже ко мне обращался с большей охотой, чем к Ольге.

Здесь была какая-то загадка, и я поставила себе целью ее разрешить.

Перебрав в уме возможные пути решения этой проблемы, я пришла к выводу, что наилучшим из них будет разговор с Аленой. По моим наблюдениям, только она демонстрировала к Ольге доброжелательность более-менее искреннюю и даже, кажется, ей сочувствовала. К тому же Алена была совсем еще ребенком, наивным, чистым и романтически влюбленным в театр, поэтому всякие проявления коварства были ей совершенно чужды, и она не умела врать.

Учитывая все эти нюансы, я решила, что Алена – наиболее подходящий кандидат для откровенного разговора о взаимоотношениях Ольги с окружающими.

Однажды, когда Ольга с Натальей ушли работать на сцену, а мы с Аленой остались в цехе, я как бы невзначай поинтересовалась:

– Слышь, Ален, а чего это вы с Ольгой как будто… не того, а?

– Чего «не того»? – На лице моей собеседницы сразу возникло напряжение и даже некоторое отчуждение.

– Ну, вроде как… не знаю… Избегаете ее, что ли?

– Кто это избегает? Никто никого не избегает.

– Да ты чего надулась-то сразу, я ведь просто так спрашиваю. Мало ли что такого бывает, иногда и напрасно к человеку придираются.

– Вот именно, – неосторожно сказала Алена и сама поняла, что после этих слов дальнейшее сопротивление бессмысленно.

– Ну, вот видишь – сама же говоришь, – тут же ухватилась я за ниточку. – Значит, все-таки было что-то?

– Да чего там было! Языками только болтают.

– А что болтают-то?

– Да ну их… Даже говогить не хочу. Егунду всякую.

– Да ладно, перестань. Я ведь никому не скажу.

– Ну… – все еще сомневаясь, неуверенно начала Алена. – Говогили, что она взяла что-то. Наталье Виктоговне пегедали… не знаю, книгу, что ли, какую-то, а она якобы взяла.

Вот оно что! То есть – украла. Однако чтобы на человека такое обвинение возводить, нужно иметь какие-никакие основания.

– А почему решили, что это именно она?

– Да не знаю я, почему. Ни почему.

– Постой, Аленушка, так ведь не бывает. Чтобы вот так, ни с того ни с сего сказать на человека… Видимо, какие-то причины все-таки были? Ведь не подумали же вот на тебя, например? А?

Алена, чувствуя справедливость этого довода, снова немного замялась и через некоторое время проговорила:

– Ну, на нее подумали потому, что в то вгемя в цехе, кгоме нее, никого не было.

– То есть такие догадки, возможно, не лишены основания?

– Да ничего подобного! У нас вообще вогов нету, а уж Оля тем более не воговка. Ты вот сама здесь габотаешь, ну скажи – похожа она на воговку? Похожа, скажи?

– Да, в общем-то, нет, не похожа.

– Вот именно. Пгидумывают неизвестно что, лишь бы козла отпущения найти, а то что человек потом пегеживает – им и дела нет.

Алена с юношеской пылкостью бросилась защищать Ольгу, а я подумала о том, что если подобные подозрения имеют под собой даже малейшее основание, то нетрудно догадаться, какие чувства к Ольге должна испытывать та же Наталья, например. А ведь ей приходится ежедневно с Ольгой работать, близко с ней контактировать.

Даже себя я уже ловила на том, что, узнав причину натянутых отношений окружающих к Ольге, сама начинаю проникаться подобными подозрениями. Хотя доказательств того, что подозрения в отношении нее обоснованны, у меня пока не было.

В то время как Алена разливалась соловьем, доказывая, что Ольга – «хогошая», позвонила Наталья и попросила меня принести охру, которую они с Ольгой забыли захватить с собой.

Взяв банку с краской, я отправилась в путешествие по бесконечным лестницам.

Возвращаясь обратно, на одной из площадок я обнаружила Азатова. Эта площадка была штатным театральным местом для курения. Там стояла красивая скамейка, украденная монтировщиками из близлежащего парка, и на ней время от времени собирались многолюдные компании, одержимые общей вредной привычкой.

Но сейчас на скамейке сидел только Игорь.

– Присядь, отдохни, труженица, – произнес он, кивая на место рядом с собой. – Я тебя курить научу.

– Спасибо, отучилась только недавно.

– Ну, так посиди. Видишь, человек грустит в одиночестве. Составь компанию.

Сразу вспомнив о своей главной миссии и предвидя возможность неформального общения, я с радостью согласилась. Хотя Азатов определенно был человеком морально неустойчивым и я давно заметила дву-смысленные взгляды, которые он то и дело бросал в мою сторону, но для пользы дела я всегда готова была пойти на риск.

«В крайнем случае прибегнем к классике, – думала я, оценивающе обводя взглядом полулежащую на лавке фигуру, похожую больше на свежий холодец, чем на мужской торс. – Внятный удар между ног еще никого не оставлял равнодушным».

Присев рядом, я завела разговор о пустяках, незаметно нащупывая почву для интересующей меня темы.

– А что это за красавица работала тут раньше, еще до меня? – улучив подходящий момент, вскользь поинтересовалась я.

– Оксанка-то? – как-то загадочно усмехнувшись, отозвался Игорь. – Да ничего, красавица как красавица. Мы тут с ней тоже часто курили.

– Так же, как со мной? – усмехнулась я в ответ.

– Вот уж нет, – неспешно затягиваясь и, кажется, не подозревая моего обостренного интереса к теме, говорил Игорь. – Она смолила прямо как паровоз. Даже мне до нее далеко было, а тебе уж и подавно.

– А что с ней случилось вообще? Мне Наталья говорила что-то, да как-то неопределенно.

– Случилось то, что и должно было случиться… с такой дурой. Скакала тут везде, как коза. Вот и доскакалась.

– В каком смысле?

– В самом прямом. Сколько раз говорили: «Сана, рядом с открытыми люками осторожнее», так нет, как будто ее туда кто-то специально тянул. Как только где-то появляется шанс навернуться или ногу вывихнуть, Сана сразу тут как тут. И падала ведь уже! Кажется, круглый дурак, и тот бы образумился – нет, не дошло.

– Куда падала?

– Да на сцену падала один раз. Представляешь, вывалилась из люка! Из декораторского из вашего. Надо же быть такой…

В это время внизу на лестнице послышались голоса – в курилку поднимались монтировщики.

– Привет, Стас, здорово, ребята, – стал пожимать руки Игорь.

– Здорово, Татьян. Как ты там, новые рисунки рисуешь?

– Рисую, рисую, не волнуйтесь. Хоть бы что-нибудь посвежее придумали.

– Вот вывалишься из люка, как Санка, придумают тебе и посвежее, – продолжил Игорь тему, видимо, бравшую его за живое.

– Это вы про Оксанку, что ли? – подхватил разговор один из монтировщиков. – Да, уж она… та еще была… подруга.

– В каком смысле? – снова спросила я.

– А в таком, – загадочно и двусмысленно улыбаясь, повторил этот парень. – Ходила тут, всем подмигивала, а как до дела доходит – так и нет ее.

– А ты, видать, уже и губы раскатал на «дело»-то? – язвительно проговорил Стас, который у монтировщиков был кем-то вроде командира.

– А чего? Если она сама лезет, что я отказываться, что ли, буду?

– Ну и как – понравилось? – все с тем же сарказмом спросил Стас.

– Да чего – понравилось, – с досадой ответил парень. – Голову только зря морочила.

– Конечно, сдался ты ей. Она почище себе присматривала. Игорька вон, например.

Стас заиграл глазами, умудрившись почти одновременно лукаво взглянуть на Игоря, презрительно – на неудачливого монтировщика и безучастно – в угол. Ему ситуация, похоже, казалась очень забавной, но Азатов сразу перестал улыбаться.

– Кого она там присматривала, это тебе, Стас, конечно, виднее, – угрожающе начал он.

– Мальчики, мальчики, брэк, – решила я вступить в разговор, грозивший нешуточным обострением. – Расскажите мне лучше, как она умудрилась на сцену упасть, эта ваша Оксана.

– Да ей и умудряться не надо было, – сказал другой монтировщик, Женя. – Она все время куда-нибудь падала.

– Как это? – Удивление мое было совершенно искренним.

– А вот так. Даже на этой лестнице сколько раз наворачивалась. Идет, идет, вроде нормально, вдруг ни с того ни с сего, раз – и полетела. И не пьяная вроде.

В компании послышался легкий смешок, переходящий от одного к другому, и вместе с ним эстафетой начали передаваться рассказы о том, как еще и при каких обстоятельствах довелось навернуться Оксане.

– …На премьере, помнишь, там на кулисе что-то подправить нужно было, ветка, что ли, какая-то слишком сильно вылезала. Так она вместе с краской с этого стула ка-а-ак…

– …А в тот раз, помнишь, когда она на сцену выпала из декораторского? Повезло дуре в тот раз – в кулисах запуталась. Без членовредительства обошлось. Так она и тут свое взяла. Только из кулис выбралась, со сцены стала спускаться – раз, и с лесенки этой еще навернулась.

Эта веселая история вызвала уже настоящий хохот, окончательно восстановивший мир и взаимопонимание среди присутствующих.

Но лично меня все эти рассказы и сами по себе не очень веселили, а с учетом заказанного мне расследования вообще наводили на весьма и весьма печальные размышления.

Ведь дело шло к тому, что эта самая Оксана, учитывая ее необыкновенные способности к паданию, преспокойно могла сама, без всякой посторонней помощи вывалиться из этого злосчастного люка. А если так, то никакого преступления не было, и уважаемый Владимир Семенович должен будет удовольствоваться версией о несчастном случае. А это, насколько я успела понять, вовсе не входило в его планы.

– А почему она вообще отовсюду падала? – вклинилась я в маленькую паузу между смехом и рассказами об Оксане. – Как-то все это странно.

– Да ничего странного. Она вообще дерганая была, кидалась в разные стороны, как судорожная. Позовешь ее, нормально, спокойно, не орешь, ничего, а она как дернется, как развернется, как будто у нее под ухом неожиданно выстрелили.

– Экспрессивная девушка была?

– А то. Экспрессивная и безбашенная. Под ноги не смотрела никогда. Вот и наворачивалась отовсюду. Особенно в плотницком. Там ведь везде деревяшки, так она то и дело синяки себе наставляла. Дернется куда-нибудь, а там кусок декорации, вот она через него и летит. Но обычно все синяками и ограничивалось. Ну, а в последний раз… не так удачно вышло…

В этот момент на лестнице снизу послышались тяжелые шаги и прерывистое дыхание, которое я уже научилась различать. Сомнений быть не могло – в декораторский цех поднимался театральный сварщик Глеб Александрович.

Этот Глеб Александрович был легендарной личностью и хотя давно уже преодолел пенсионный возраст, но все еще работал и изготовлял для спектаклей совершенно уникальные вещи.

Глеб почти ежедневно приходил в гости к Наталье, и они запросто могли бы стать закадычными друзьями, если бы не один нюанс: он плохо слышал, и чтобы общаться с ним, нужно было орать во весь голос. Поэтому дружески поболтать с Глебом было невозможно в принципе. Впрочем, это не мешало ему просиживать в маленькой комнатке с низеньким столом и огромными креслами большую часть своего обеденного перерыва.

С первых дней моего появления в театре Глеб просто влюбился в меня и теперь, приходя в гости, не сводил с меня глаз, а слышать, кажется, стал еще хуже. Видимо, от страсти.

«Ах, как… неприятно», – неизвестно на что сетовал он, вздыхая и расплываясь от счастья.

– Здравствуйте, Глеб Александрович, – в самое ухо кричала ему Наталья. – Ну как вам сегодня работалось?

– Ничего спалось, хорошо, – рассеянно отвечал Глеб и добавлял, взглянув в мою сторону: – Какой уж тут сон.

Глеб был очень грузным, хотя и не толстым, но крепко сбитым мужчиной, при взгляде на которого всякое представление о гибкости человеческого тела моментально улетучивалось.

– Ах, как неприятно, – немедленно заявил он, увидев, что в курилке, кроме монтировщиков, нахожусь еще и я. – А ты, Татьяна, все куришь? Нехорошо.

– Ах, Глеб Александрович, ну что же тут поделаешь, ведь и знаю, что нехорошо, а вот… несмотря на это… все равно.

– Да, нехорошо, – продолжал Глеб, подождав, пока я закончу говорить и, по всей видимости, не расслышав из моей речи ни слова. – Это они вон… оболтусы, они – пускай. А ты молодая девушка…

Кажется, он собирался прочитать мне небольшую воспитательную лекцию, поэтому я прибавила громкость и заорала что было мочи:

– А Наталья Викторовна вас уже заждалась!

– А-а, Наташа, – переключился Глеб на новую тему. – Наташа, это хорошо. Я сейчас иду к ней, – сообщил он мне, думая, видимо, что самой мне ни за что об этом не догадаться.

– Хорошо, хорошо, идите.

Спровадив Глеба, я еще немного поболтала с монтировщиками, но завидев поднимавшихся по лестнице Наталью и Ольгу, поспешила в цех. Не стоило создавать у начальства впечатление, что я отлыниваю от работы.

Открыв дверь, я с головой окунулась в потоки децибел – доброжелательная Алена, надрывая голосовые связки, развлекала разговором Глеба Александровича.

– …И потом мне же пгишлось кгасить загогодку, – пыталась одновременно улыбаться и кричать Алена, рассказывая, видимо, что-то смешное.

– Кого дубасить за глотку? – не понимал Глеб.

– Да не за глотку, а загогодку, – убеждала его Алена, отчаянно пытаясь преодолеть свою картавость.

– Ах, как неприятно, – сказал на это Глеб, увидев, что в цех вхожу я.

Почти сразу же следом за мной появились Наталья и Ольга.

– Здравствуйте, Глеб Александрович, – произнесла Наталья, пользуясь акустикой помещения, которая позволяла не очень повышать голос.

– Здравствуй, Наташа, здравствуй. Что же это сотрудницы у тебя…

– А что?

– Да вот, все курят.

Да, от судьбы, видно, не уйдешь. Не иначе, в тот день написано мне было выслушать воспитательную лекцию. Все время, пока шел обеденный перерыв и даже еще некоторое время после, Глеб посвятил рассуждениям о том, как все это нехорошо и вообще очень ему неприятно.

Впрочем, это не особенно нам мешало, потому что под его бормотанье мы довольно свободно говорили о своих делах, только иногда Наталья из вежливости поддакивала ему, повышая голос.

Наконец обеденный перерыв кончился, Глеб ушел, и все мы целиком и полностью углубились в работу. Близилась премьера, и нужно было успеть к сроку.

* * *

Вечером, приехав домой, я вдруг поймала себя на мысли о том, как я в последнее время устаю и какая это тяжелая и, в общем-то, не женская работа – художник-декоратор.

Впрочем, и работа частного сыщика тоже совсем не женская. Будем считать, что минус на минус в результате дает плюс.

От усталости голова «варила» не очень хорошо, но все же я решила проанализировать полученную за сегодняшний день информацию.

Приготовив кофе, я поудобнее устроилась на диване и предалась раздумьям, пытаясь выделить из всех полученных сведений те, что смогли бы пригодиться для моего расследования.

А такие сведения, несомненно, имелись.

Во-первых, я выяснила причину той странной отчужденности, которую окружающие испытывали к Ольге. Хотя нельзя не отметить, что это выяснение принесло скорее негативный, чем позитивный результат. В глубине души я лелеяла предположение, что все так к ней относятся потому, что подозревают в причастности к смерти Оксаны.

Но теперь, поняв, что если Ольгу и подозревают в причастности, то к совершенно иному преступлению, я не испытывала ничего, кроме разочарования.

Гораздо более полезными могли оказаться сведения, которые мне удалось собрать о самой Оксане. И это было во-вторых.

Похоже, эта Оксана была личностью весьма своеобразной. Как это они там говорили? «Судорожная»? Что ж, некоторая необузданность и порывистость иногда бывает свойственна нашему брату. То бишь, сестре. И я даже знаю многих особей противоположного пола, которые именно эти качества находят в женщинах привлекательными. Судя по рассказу того неудачливого монтировщика, такие особи имелись и в театре.

Не эти ли «нюансы взаимоотношений» имел в виду любезнейший Евгений Сергеевич, когда мы беседовали с ним в ресторане? И что имел в виду Стас, когда намекал на Азатова? Нужно было быть слепым, чтобы не заметить, как изменилось у того выражение лица.

Хм… А ведь это довольно интересно. Неужели Оксана имела наглость гулять от Бобы? Думаю, если бы он узнал об этом, то самолично спровадил бы ее на тот свет. Даже дополнительные приспособления в виде открытых люков не понадобились бы.

С другой стороны, если я правильно поняла, монтировщик потерпел неудачу. Был ли так же неудачлив Игорь – вот вопрос.

Да, вопросов пока больше, чем ответов. Но самое неприятное даже не это. Самое неприятное то, что, как ни крути, все обстоятельства дела пока указывают на несчастный случай. Нет ни малейшего намека на то, что кто бы то ни было мог всей душой желать смерти Оксаны.

Игорь, похоже, даже сожалел и скучал по ней, монтировщики ржут, у Ольги свои проблемы, про Алену и говорить нечего. А ведь все это люди, с которыми Оксана по роду своей деятельности общалась наиболее часто. Из всех них только Наталью я пока не проверяла, так сказать, на всхожесть, но познакомившись с ней поближе, я была не склонна думать, что она может вынашивать подобные замыслы. Хотя… хотя проверить, разумеется, следует и ее.

Что еще у меня остается? Группы, с которыми художники-декораторы контактируют не так часто, например, актеры. Или гримеры. Или режиссеры.

Про актеров, пожалуй, проще всего узнать у реквизитора Лили. С ней мне удалось наладить контакт с помощью истории о погибшем муже. Лиля тоже осталась без мужа, но не в результате его смерти, а в результате обыкновенного ухода. Проще говоря, благоверный смылся, оставив ее с малолетней дочерью и предоставив им вдвоем существовать на театральную зарплату. Но Лиля, как человек, причастный к высоким искусствам, быстро нашла отдушину в творчестве и стала изливать боль души в рифмах. Она даже прочитала мне парочку своих творений, хотя я, в общем-то, не настаивала.

Решено, при первом же удобном случае нужно будет задушевно побеседовать с Лилей.

Наметив этот следующий пункт своей программы, я отправилась спать. Но, несмотря на усталость, я еще долго не могла уснуть, прокручивая в голове различные варианты монолога, который я мысленно произносила перед Бобой

Маленьким. Взволнованная и неспокойная, я все пыталась его убедить, что произошедшее с его знакомой Оксаной Ширяевой – это действительно несчастный случай, а никакое не убийство.

Что ни говорите, а постоянные раздумья о том, как человек вроде Бобы склонен реагировать на подобные монологи, может лишить сна кого угодно.

Глава 4

Все главное случилось на следующий день, когда Наталья отправила меня на склад за пресловутой охрой, которую мы никак не могли получить еще с того времени, когда я устраивалась в театр.

Склад находился в одном из закоулков того длинного подземного коридора, куда вел самый последний, нижний пролет нашей бесконечной лестницы и где, кроме склада, располагалось еще очень много самых разнообразных помещений.

По всей видимости, в числе прочего там имелась и еще одна курилка. Эта догадка осенила меня, когда, томясь в ожидании, пока медлительная, как черепаха, кладовщица все отмерит, отсыплет и оформит, я вдруг почувствовала резкий запах сигаретного дыма.

Сразу вслед за запахом до меня донеслись звуки разговора, ставшего той отправной точкой, которая придала моему расследованию новый мощный импульс.

Два женских голоса, один приятной средней тональности, а другой высокий и писклявый, обсуждали довольно интимные темы, по-видимому, в полной уверенности, что их никто не слышит.

– Ну и как вы вчера? Со Степкой-то? Как? Нормально? – нетерпеливо спрашивал писклявый.

– Да чего там нормально, – недовольно отвечал более низкий голос. – Вообще ничего не было. Напился как свинья и уснул.

– Да ну? – удивлялся писклявый. – А ты чего же смотрела? Ты бы его…

– Да чего я его? Что, он меня спрашивает, что ли?

– Да-а… дела. Между прочим, я тоже заметила, что он в последнее время как-то прям частенько стал… злоупотреблять.

– Все из-за нее, из-за сучки из-за этой!

– Да брось, – от любопытства и предчувствия некоего откровения высокий голос даже утратил писклявость. – Сколько уж времени прошло.

– Прошло, не прошло, а с Азатовым они до сих пор как кошка с собакой.

– А Азатов здесь причем?

– Здрасте! Она ведь крутила со всеми подряд. А уж с Азатовым в первую голову, даром, что он был под боком.

– Вот уж, наверное, Ирочка… перенервничала.

– Ага. А этой – хоть бы что. Конечно, о покойниках или хорошо, или ничего, но такой стервы…

– И не говори!

– Ну вот. При Ирочке заигрывала с Азатовым, а при мне – со Степкой. И ведь видно было, что только дурачится, голову морочит, а все равно. Стерва, она и есть стерва.

Послышался глубокий вздох.

– А под конец вообще выкинула номерок. Видать, надоели они ей оба, так она Степке сказала, что не может быть с ним из-за Азатова, а Азатову – что не может из-за Степки. Так они с того времени друг друга просто растерзать готовы. И ее уже нет, и время прошло, а все равно…

– Да-а… дела.

– Степка пить стал. Не знаю… Чем это все закончится?

– Ой, бежать надо, репетиция!

– Да, пошли.

Разговор смолк, и в коридоре послышались быстро удаляющиеся шаги.

Подслушанная история вызвала у меня живейшее любопытство. Я даже забыла, зачем, собственно, пришла сюда, и уже совсем собралась было уходить, когда в поле моего зрения наконец-то появилась кладовщица.

– Вот, можете забирать, – сказала она, протягивая мне бумажный кулек, наполненный желтоватым порошком. – Вот здесь распишитесь.

Поставив закорючку в указанном месте, я приняла от нее кулек, который оказался довольно увесистым, и отправилась в декораторский цех.

Я шла очень медленно, по пути обдумывая варианты своих дальнейших действий. Историйка был очень недурна, но не мешало бы разузнать обо всем этом поподробнее. Например, уточнить, насколько сильно было задето самолюбие Азатова или того актера… как там они говорили? Кажется, Степка?

В театре был только один Степка, который мог подойти под услышанное мною описание. Это был актер Степан Владимирский. Он считался перспективным, был на хорошем счету у режиссеров и часто привлекался на главные роли в спектаклях. Но если верить слухам, в последнее время Владимирский действительно стал попивать и ролей в новых постановках ему не предлагали.

Было ли его пагубное пристрастие обус-ловлено обманом Оксаны? Что ж, может быть. Но не исключено и другое. Что, если в действительности его мучили угрызения совести, связанные с гораздо более серьезными причинами?

Да и сам Азатов. Несмотря на то что он очень умело прикидывался простачком, я прекрасно понимала, что в глубинах его личности имеется немало потайных закоулков.

Например, однажды у нас с ним зашел разговор о карточной игре. Не помню, по какому поводу мы вообще об этом заговорили, но по тому, как он ориентировался во всех тонкостях предмета, с каким знанием дела говорил о суммах, которые вращаются в этой сфере деятельности, да и просто по выражению его лица я очень хорошо видела, что он знает обо всем этом не понаслышке.

Я же, со своей стороны, тоже кое-что слышала о карточной игре и о людях, которые занимаются этим регулярно и составляют себе из этого даже нечто вроде профессии. Мне было известно, что в этой среде легко получить удар ножом в спину за не отданный вовремя карточный долг, и, следовательно, люди, принадлежащие к этой касте, могут быть способны на все.

Да, историйку с неудачными любовными похождениями Азатова и Владимирского уточнить было бы весьма и весьма полезно. Только вот как?

Тут мне вспомнилось, что вчера, размышляя на сон грядущий о нюансах проводимого мною расследования, я думала о Лиле, реквизиторше. Именно от нее я собиралась узнать о взаимоотношениях Оксаны с актерской средой.

Что ж, это я, пожалуй, и сделаю, только с небольшой корректировкой. Ведь теперь у меня есть более конкретное направление, по которому нужно будет проводить расспросы. Впрочем, разумеется, необходимо постараться представить все так, чтобы Лиля и не заподозрила, что ее о чем-то расспрашивают.

Удобный случай осуществить эти планы представился мне в тот же день, после обеда.

Наталья сказала, что необходимо подновить некоторые вещи из реквизита к спектаклям. Поэтому я сейчас должна отправиться к Лиле в реквизиторскую, чтобы требуемые вещи забрать. На что я и согласилась с величайшим удовольствием.

Реквизиторская находилась рядом со сценой, в нее можно было попасть, пройдя через боковые кулисы. Миновав сцену, я вошла в знакомое небольшое помещение.

– Привет, Лиля!

– А, Танечка, привет, привет! – заулыбалась реквизиторша, полноватая, но очень подвижная женщина средних лет.

– Наталья Викторовна сказала, что у тебя есть для нас какая-то работенка?

– Ой! Да! Знаешь, тут… вот… сейчас, – засуетилась Лиля. – Тут кубки… вот посмотри – везде уже газета проглядывает, даже стыдно на столы выставлять. Так, подожди… еще где-то тут веер…

– Да ты не торопись, я же тебя не гоню. Сядь спокойно и подумай, что там нуждается в обновлении.

Моя задача была завязать с Лилей длинный доверительный разговор, и, как могла, я старалась ее выполнять.

– Ах, Танечка, хорошо тебе говорить – сядь, – озабоченно бормотала Лиля, опускаясь в кресло. – А мне ведь и на минутку присесть не удается. То туда, то сюда, целый день как белка в колесе.

– Да, я и смотрю – никогда тебя на месте не застанешь, все где-то бегаешь.

– Ну да, а как же иначе? Сегодня вот вечером «Кабанчик», Федорову опять нужно будет кофе делать, он в середине спектакля всегда этот свой транквилизатор требует. А у меня, поверишь ли, ни крошки нет. И денег не дают. Я им объясняю, что актеры… Что я, для себя, что ли? Нет – все равно. «Не предусмотрено сметой» – и все тут. Я уж и так сколько из дома… Ой, я же тебе веер хотела!..

– Да ладно ты, посиди немного, отдохни. Спектакль-то не скоро еще. А что, сегодня Федоров играет, не Владимирский?

– Владимирский во втором составе, он редко выходит. Только когда Саша где-нибудь параллельно занят на это время. А уж теперь и тем более…

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tn.knigapoisk.com/ru/serova_marina/prestuplenie-nachinaetsya-s-veshalki

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить